

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

20

бесенят

и 1

кретинка

Надежда Нелидова

20 бесенят и 1 кретинка

«Издательские решения»

Нелидова Н.

20 бесенят и 1 кретинка / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966602-4

В моём детстве ценились статуэточные обтекаемые силуэты, Золушкин ростик, хрупкие косточки, плавные котиковые плечики. Не руки — а ручки, не ноги — а ножки, не пальцы — а пальчики. Мужчины цокали с завистью, умилённо: «Твою-то Дюймовочку можно на ладошку посадить!». И, напротив, насмешливо присвистывали: «Вот это лошадь! А ноги-то, ноги — ходули, оглобли! Чисто цапля!». Ох, тяжело приходилось первым акселераткам.

ISBN 978-5-44-966602-4

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

МИЛЫЙ, МИЛЫЙ СОВКОЛОР	6
20 БЕСЕНЯТ И 1 КРЕТИНКА	13
МОЯ МАЛЕНЬКАЯ МАМА	19
АБИТУРИЕНТОЧКА КАК СВЕЖЕПРОСОЛЁННЫЙ ОГУРЧИК	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

20 бесенят и 1 кретинка

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6602-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИЛЫЙ, МИЛЫЙ СОВКОЛОР

Только что показывали фильм по рассказам Шукшина: тихий, безыскусный, бесхитростный. Американец через пять минут выключит: скучно, не динамично, без спецэффектов. Только русскому человеку сюжет понятен, бесконечно мил и щемит душу. Эти ситцевые и штапельные женские платья в наивный горох и ромашку – их по выкройкам из «Работницы» и «Крестьянки» строчили на машинках наши мамы и бабушки...

...Вы как хотите, а существует рядом с нами параллельный мир, где остановилось застывшими кадрами наше детство. Терпеливо, кротко ждёт, когда коснёмся воспоминаниями того безмятежного времени – и кадры задвигаются и расцветаются, зазвучат родные голоса, захлопают калитки, заскрипят колодцы. Оживут пухлые причудливые облака, солнце польёт лучи, и замелькают штакетины соседского покосившегося забора.

Вот интересно: если бежать, шурясь, вдоль забора, сквозь которое бьёт заходящее солнце – отчего в глазах прыгает полосатый красный огонь? Я, маленькая преступница с мокрыми волосами, в прилипшем сарафане, со всех ног несусь с пруда после запретного купания. Соображаю, как бы проскользнуть в дом, не попавшись на глаза строгим родителям.

Из таких вспыхивающих цветных кадров состоит детство. И ещё – из запахов. Кожаный запах новеньких сандаликов (шёпот вечного садиковского недруга: «Ой-ой, сандалики ей купили! Хвастуша, воображуля!»)

Рыбий жир лучше вообще не нюхать, а бросить в ложку несколько крупинок соли – ничего, можно проглотить. Новые библиотечные книжки со склеенными пахучими страницами, в которые погружаю нос и не могу надышаться. Волшебный мягкий запах масляной краски от зелёного ведёрка – папа привёз из города.

Папа редко бывает в городе, зато привозит гостинцы в царских, щедрых, мужских объёмах – мама только качает головой. Помню огромный слипшийся ком изюма в липкой серой грубой обёртке. В мутно-прозрачной бумаге – куб благоухающего шоколадного масла, которым я жестоко объелась и после долго не могла на него смотреть.

Однажды привёз большую сумку, раздёрнул «молнию»... Я разочарованно воскликнула:

– Папа, зачем ты купил столько мелкой картошки?! – Потрогала пальцем. – Да они же твёрдые, высохли и все сморщились!

Это были грецкие орехи. Так что я из того поколения, про которое говорят: «Слаще мороженой картошки ничего не ели». А вот и ели: сгущёнку из шестилитровой жестяной банки! Папа пробил в ней гвоздём дыру и нацеживал нам в кружечки густое сладкое лакомство.

Были шоколадки «люкс» с персонажами русских народных сказок. В дни рождений каждый из нас обнаруживал их под подушкой вместе с подарком – как мама ухитрялась каждый раз незаметно подкладывать? Несколько раз за зиму из города привозились мятые зелёные мандарины и яблоки. Разыгрывалась фруктовая лотерея. Кто-нибудь отворачивался, мама или папа высоко поднимали плод: «Кому?» – «Маме!» «Серёжке!» «Вите!» «Мне!» Если попадётся мелкий или с червоточинкой – не обидно. Лотерея же!

У моего сына была не комната, а «Детский Мир» на дому. В результате он обкраден: плохо помнит свои игрушки. У меня из кукол были: Алёнка в жёлтом купальнике, пупс Маша в ванночке, Снегурка и... Всё. Прочие затёртые до белизны, потрескавшиеся резиновые зверушки служили в играх самыми разными персонажами.

Взбитое, взрыхлённое одеяло превращалось в окопы и блиндажи, старый чугунный чайник – в танк. Из тяжёлых томов «Детской энциклопедии» выкладывались бомбоубежище или афинский акрополь, или египетская пирамида, или доисторическая пещера. Игры, в основном,

были продолжением полюбившихся фильмов и книг. Сын Мамонта спешил на помощь танкисту Янеку, а Человек-амфибия уносился от врагов на Чубаром из одноимённого рассказа.

Девочкам кукол заменяли фигурные флакончики из-под духов. Флакончики, то есть голенькие куколки, нужно было одеть. Брался конфетный фантик, складывался пополам, ещё раз пополам, и ещё, и ещё раз. У полученной восьмушки срезался уголок (горловина), закруглялся другой конец (подол), ножницами прорезались дырочки-кружева. Разворачивали – сладко пахнущее платьице готово. Топорщащиеся пёстрые бумажные, шуршащие серебряные и золотые – фольговые, в которых расфуфыренные флакончики важно ходили друг к другу в гости.

Мальчики устраивали гонки с препятствиями на мини-тракторах: у кого мощнее. Для трактора нужна была пустая деревянная катушка из-под ниток, отрезок бельевой резинки, кусочек хозяйственного мыла, палочка. Накручиваешь продетую в катушку палочку – вездеходный трактор готов.

Ещё из катушек хороши были мельницы-радужные брызгалки в весенних ручьях. Ах, могучий грохот ледяных ручьёв, устремляющихся в ложок! Не верится, что мы ещё три недели назад катались здесь на лыжах. Лог залит половодьем, насколько хватает глаз. Холмы просохли и сплошь усеялись пачкающимися жёлтенькими пуговичками.

Прощай, зима с чёрными звёздными морозными утрами, с костюмами, утренниками и катаниями санным поездом! В новогодний вечер папа менял лампочку на голубую, и детская озарялась лунным светом. Таинственно поблёскивали игрушки на ёлке (все, все игрушки наперечёт помню!)

Однажды братья принесли из леса вместе с ёлкой, как в сказке, большого чёрного кота. Нашлись же злые люди, унесли в глухой лес, привязали к дереву. Мы назвали кота Василием. Весной Василий родил котят и стал Василисой.

В начале лета мама привозила из райцентра корзину с невесомым шевелящимся, звонко пищащим, пухлявым жёлтеньким облачком внутри. Цыплята! Забота на все каникулы. Кормили мелко порубленным крутым яйцом и пшёнкой кашей. Поили розовой марганцовой водичкой – и всё равно два-три нежных птенца умирало у нас на руках.

Устраивались похороны: с укладыванием в обувную коробку, с похоронной процессией, украшением могилки цветами и бутылочными стёклышками.

Остальные цыплята вырастали, становились голедастыми и шустрыми. Попробуй их на ночь или перед грозой загнать в решётчатый крытый загон. А туча на горизонте всё злое, чёрно-фиолетовое брюхо волочится по холмам, бухнет на глазах, от раскатистого грома в маленьких сердчишках вспыхивает жуть и восторг.

Интервалы между молнией и громом меньше десяти секунд – значит, мы в эпицентре стихии. Порывы ветра задирают короткие платьишки, в ноги больно впиваются песчинки и мелкие камешки, а несносный последний цыплёнок всё ещё не пойман, притаился в лопухах.

В грозу нам с сестрой нужно непременно надеть платки. У нас длинные волосы, и нас запросто может утянуть на небо, потому что ведь в волосах электричество. Проведите по волосам гребёнкой, потом коснитесь мелко нарезанной бумаги – вон сколько его, электричества. Одну девочку во время грозы вот так за волосы утянуло на небо – только ножки в воздухе мелькнули. Больше её никто никогда не видел. «Что с ней случилось?!» – «Что-что. Задохнулась и превратилась в ледышку!» Скорее бежать в дом за платками!

Пока на улице ливень оглушительно колошматит по железной крыше, самое время забраться на широкую родительскую кровать и рассказывать «аникдоты». Или страшилки.

Значит, одна семья въехала в дом. И мальчик видит, что в спальне по потолку ползёт страшное Жёлтое Пятно. Мальчик испугался и позвал родителей. Они пришли и увидели, что Жёлтое Пятно выросло ещё больше! Тогда они испугались и позвали милиционера. А Жёлтое Пятно уже спускается по стенам! Тогда милиционер взял фонарик и полез на чердак. А там... Там маленький котёнок сидит и писает!!!

Какая бы погода ни стояла на дворе, какие бы перемены не случались в жизни (подписка на облигации госзайма, 100-летие со дня рождения Ленина, ползучий брежневский дефицит, опустошивший полки магазинов, и даже сборы мамы и папы на Кубань (папа крупно поссорился с директором школы, а на юге требовались учителя и давали благоустроенный домик с фруктовым садом) – мама не изменяла своим кулинарным традициям.

Жидкое тесто заквашивалось с вечера. От него пахло кисло и сладковато, на поверхности лопались пузырьки. Утром мы просыпались от потрескивания дров в русской печи – разумеется, сложенных «колодцем»: четыре вдоль – четыре поперёк, четыре вдоль – и так далее.

Гремела знаменитая чугунная чёрная сковорода. Мама ловко вертела её перед огнём, насаженной на палку-ухватку, а блинами так вообще жонглировала. Хоп – подброшенный тестяной круг подпрыгивал, переворачивался и смачно шлёпался ровно на место. Блины получались гладкие и белые, только кое-где чернели крапины от стрельнувших угольков.

Книгами о здоровом питании тогда не увлекались, про вред жареного и жирного слухом не слыхали. Но вот мама пекла настоящие диетические блины – посуху, лишь смазывая сковороду кусочком сала.

Нас встречал накрытый стол. Нет, не так – нас встречал НАКРЫТЫЙ СТОЛ. В центре – блюдо с горкой блинов. Вокруг всё свободное пространство уставлено мелкими блюдечками, тарелочками, мисочками.

Блюдец с густым растопленным подсолённым сливочным маслом, всё в рыхлых белых пенках. Ещё одно – с маслом и распущенными в нём яйцами всмятку – это самая вкуснятина! Блюдечко с мелко порубленными рыжиками и чесноком, заправленными постным маслом – фу, а вот папа это обожает. Блюдечко со сметаной, которая не падает с блина, как ни трясси, а сидит плотно, как шапочка белого зефира («Не балуйся за столом!») Блюдечки с вареньями минимум четырёх сортов: земляничным, малиновым, крыжовенным, смородинным.

Глаза разбегаются, не знаешь, куда макнуть блинчик. В результате алчно тычешь туда и сюда, и очень скоро сметана окрашивается в розовый вареньевого цвета, а в варенье расплываются масляные и сметанные разводы.

Папа сворачивал блин фунтиком, заполнял его грибами и отправлял в рот. Мы старались подражать папе, но у нас так ловко не получалось. Варенье или масло обязательно проливалось и пачкало лицо и руки («Будете безобразничать – вон из-за стола!»)

После завтрака отец непременно находил для нас во дворе какую-нибудь работу – отчего, признаться, я не любила выходные. И если бы дело происходило сегодня, обязательно бы строго высказала: «Папа, мы все из-за тебя попадём в ад. Ведь работать в воскресенье – большой грех».

А мамино бдение у печи тем временем входило в активную фазу. Прогоревшие дрова превращались в огромную золотую прозрачную гору углей. Они, с рассыпанием искр, кочергой загребались в круглые отверстия плиты (конфорки).

У отверстий было много разнокалиберных чугунных колец – снимая или добавляя их щипцами, хозяйки регулировали температуру огня под кастрюлями. В освобождённое огнедышащее жерло мама отправляла противни (самодельные, их ещё мамин дедушка из кусков железа загибал) с успевшими подняться пирогами.

Теперь о пирогах: больших и малых, защипнутых и открытых, рыбных и мясных, овощных и ягодных. В пирогах с рыбой, обильно перемежаемой кольцами лука, встречались косточки – с ними любил возиться папа. Мы предпочитали маленькие пирожки с малиной, в сладких липучих красных подтёках.

Это сегодня, чтобы малина не текла, её посыпают манкой, и получается совершенно чёрт-те что. Мама добавляла в вареньевую начинку сухую малину и рябину: они отлично впитывали сироп, а изба наполнялась сладчайшим, летним тягучим духом.

Как сушили малину, и вообще провизию, на зиму. Духовок, кроме вот русских печей, в то время не было, а топить печку в тридцатиградусную жару – это значило превращать избу на три дня в душегубку. Хозяйки рассыпали ягоды и грибы в противни и раскладывали на крышах низеньких сараев.

Там же сушили дрожжи, мелко нащипывая прессованные брикеты (тогда они весили полкило, а хранить их было негде – холодильники мало кто мог себе позволить). То ли советская пищевая промышленность не догадывалась освоить производство сухих дрожжей, то ли они просто до нас не доходили...

Прекрасно всё, между прочим, сохло. Вот только воробьёв приходилось гонять, которые не столько ели, сколько гадили. Ну, и если внезапный дождь опрокинется. О, это была целая операция по спасению сушилок на крышах!

Мы приставляли лестницу, мама отважно лезла наверх, одной рукой одёргивая от ветра юбку, другой подавая нам противни. Визг, писк... Успели до дождя! А не успеешь – всё с трудом высушенное хозяйство плавает в противнях.

Пока пироги доходят, мама время от времени заглядывает в печь, подсвечивая спичкой или папиным фонариком, двигая заслонкой. Одновременно успевает раскатывать нетолстым слоем жёлтое маслянистое рассыпчатое тесто. Мы спорим за право вырезать рюмкой кружочки. Это сухое печенье нам на неделю – носить с собой в школу. Тогда школьных обедов не предусматривалось. В буфете толкучка, мальчишки-старшеклассники лезут без очереди по головам – не пробьёшься, а попробуй высиди на голодный желудок 4—5 уроков.

В последний жар отправлялись чисто промытые брюквы. Вру: в предпоследний. В последний ставился огромный чугунок с картошкой для запарки – скотине на завтра. Русская печь тем и была хороша, что отдавала тепло до последнего вздоха.

Мама вынимала запечённые брюквы старой, прожжённой во многих местах варёжкой, соскабливала ножом жирную золу. Разрезала пополам – внутри пряталось ярко-оранжевое красивое содержимое. Она всех уговаривала: «Попробуйте, м-м... Объединение!» Никто, даже папа, её восторгов не разделял. А она ложечкой вынимала горячую сладкую душистую мякоть, отправляла в рот и жмурилась от удовольствия, причмокивала.

И походила на маленькую девочку – ту, которой ещё её мама, моя бабушка, запекала брюкву. Для них это кушанье казалось изумительным по сладости и сытости лакомством.

Для каждого мамина еда из детства – самая вкусная. У какого-нибудь аборигена из Папуа – это золотистые кругляшки жареного банана или, может, сушёные лапки кузнечика, которые он щёлкал вместо семечек. А для меня – те самые воскресные блины и пироги.

Иногда я задумываюсь: единственный день в неделю был у мамы – воскресенье – чтобы позволить себе чуть-чуть расслабиться, отдохнуть. А она предпочитала отдыху – эту добровольную, от рассвета до заката, каторгу у раскалённой печи. Крутила тяжеленную сковороду, сгибалась в три погибели с тряпками и ухватками, отворачивала пылающее от жара лицо.

Но это для меня каторга – а для неё-то было счастье! Муж, дети, большая семья под крышей нового дома, все здоровы. Стол, на который яблоку некуда упасть. В центре, как символ достатка: высокая горделивая стопа блинов, а вечером – крытые полотенцами поджаристые

пироги на любой вкус! Значит, в чулане есть белая мука, а подпол забит припасами на долгую зиму, и нет голода и войны – а это ли не большое счастье?

Детство – это старый пруд за сосновым бором. Лишь маленькая чистая заводь пригодна для купания – всё остальное цветёт и затянато зеленью. Если упросишь мальчишек в лодке – тебе срежут резиновый розоватый стебель с цветком кувшинки – слишком точёным, фарфоровым и холодным, чтобы быть живым. Уткнёшь нос в слабо, нежно благоухающую сердцевину – и ходишь с жёлтым носом и одурелыми глазами. «Знаешь, что такое кувшинки? Это русалкины духи!»

За прудом льнозавод. В огромных кучах мягкой кострики мальчики ищут жуков-носорогов – сейчас они занесены в Красную книгу. Повезёт – поймают самца: блестящего, чёрного, величиной с пол-ладошки, с огромным рогом. Если посадить двух самцов в стеклянную банку, они немедленно устремляются друг на друга – и часами жестоко бьются, пока один не убьёт другого. Ну, вот и попали в Красную книгу.

Что ещё было у нас, кроме льнозавода? Открываем старую советскую энциклопедию и читаем. Село наше было райцентром и имело: кирпичный завод, леспромхоз, инкубатор, пилораму, кузницу, ремонтно-тракторную станцию, маленький аэродром с регулярными пассажирскими рейсами (двадцать минут – и ты в Ижевске).

Был маслозавод – там работала мама подружки, однажды она вынесла нам алюминиевый ковш с ледяными густыми сливками. Сливки были так вкусны, что не пить было невозможно, и так жирны, что невозможно было пить. А подружка привычно выпила и облизала белые усы. Был богатый шумный базар, куда съезжались крестьяне из окрестных деревень – их, больших и малых, вокруг было рассыпано видимо-невидимо.

Что из вышеперечисленного осталось сегодня? Ничего.

Моё детство уже не застало того изобилия. Восьмидесятые – очереди за хлебом (это в центральной совхозной усадьбе!) Мальчишки-гонцы периодически бегали к пекарне и возвращались с очередным известием: «Хлеб ещё в печи!» «Уже загружают лошадь!» «Уже едут!» Поспешное выяснение перепутавшейся очереди, кто за кем стоял. В одни руки выдавались две буханки за 14 копеек: тяжёлых чёрных, обжигающих руки кирпичика, кислых и полусырых изнутри.

Почему брали так помногу? Потому что хлебом кормили скотину. Хотя в школе учителя говорили, что это преступление и негодяйство – пускать хлеб на корм скоту. Приводили в пример блокадный Ленинград с его двухсотграммовыми пайками, читали лекции. Вернувшись домой, учителя и лекторы переодевались в домашнее, брали хлебушек, резали крупными ломтями, крошили, делали болтушку – для кур, свиней, коз. А больше кормить было нечем, на одной картошке не выедешь. Украдкой друг от друга ходили с мешками за травой и рвали с оглядкой: увидит совхозный объездчик – оштрафует. Позору не оберёшься.

Молоко тоже дефицит. Ранним утром подойдёт к совхозной столовке грузовик, с гулким стуком сгрузят холодные запотевшие фляги. Если четыре фляги – хватит всем. Если три – очередь приходила в неопишное волнение: хватит? Не хватит? Работникам совхоза – вне очереди. (Какая-нибудь вредная старушка брюзжит: «Жирненьки сливки себе сверху снимут – нам жиденько останется!») Ещё на подоконнике теснилась целая батарея «блатных» банок. Вот и они заполнены. Ура, нам досталось!

В энциклопедии был упомянут и детский дом, образованный летом 1941 года. Не верьте фильмам, где детские дома 60-70-х сплошь изображаются как колонии с малолетними преступниками. Прекрасные были дети! Хотите верьте, хотите нет: уезжая с мамой в Москву, отец – директор детдома – оставил нас, четверых садиковских малышек, на старенькую бабушку

и на двоих старших воспитанников: высокого чернявого Алёшу Пойлова и светловолосого крепыша Гену Коротаяева.

Помню рубиновый огонёк в темноте, звяканье ванночек и кислый запах проявителей-закрепителей – печатали фотографии. Ещё помню, крутили диафильмы на простыне: про китайское зёрнышко, про Магуль-Мегери и Ашик-Кериба...

В девятидесятых годах отца ограбили воспитанники городской школы-интерната, ровесники Алёши и Гены. Они пасли его в сберкассе, проследили, куда положит пенсию. Ввели до подъезда и между лестничными пролётами толкнули старика, выдернули сумку, рассыпали крупу, вытащили деньги (один заломил руки, другой шарил в карманах). И умчались с лёгкой добычей, прыгая через три ступени на упругих молодых сильных ногах. Отец сидел в прихожей, оглушённый, раздавленный, рассказывал – и плакал.

Первые школьные влюблённости, которые я поверяю дневнику. Дневник прячу на печке в старом валенке. На каникулы из города приезжает двоюродный брат Вовка, младше меня на четыре года. Обнаруживает дневник, по-обезьяньи гримасничая и показывая язык, убегает и забирается на крышу. Болтает ногами, читает, комментирует и хохочет.

Я до холода в животе боюсь высоты, бегаю вокруг дома и верещу от обиды и бессилия. Пытаюсь выманить сорванца ирисками, стеклянной авторучкой, сборником фантастики. Сулю страшные кары (утащу лестницу, и сиди там до скончания века, нажалуюсь твоей маме, поколочу, убью).

Ничего я не сделала, конечно – а какой смысл? Вовка соскучился, спустился, сунул мне мятый дневник – выхолощенную, осквернённую, поруганную, мёртвую Тайну... Очистить её мог только огонь в печи.

А впереди ждала юность, тягостные сомнения, борьба с прыщами и неприлично быстрый, прямо-таки выстреливший рост (не хочу быть дылдой, отчаянно завидую миниатюрным одноклассникам!) Экзамены, майские жуки на ниточках, сошедшие с ума соловьи за речкой, тяжёлая, тугая мокрая сирень в палисаде (если найти и съесть цветок с пятью лепестками – сдашь всё на «пять»).

Патриотические комсомольские собрания, где мы хихикали и скучали, стыдясь и понимая, что многое из происходящего – враньё и показуха. Со сцены взрослые пламенно скандировали одно, а в жизни происходило совсем другое.

Но всё это далеко впереди. Моё детство продолжается, и ко мне несётся маленький брат. Перепрыгивает через картофельные гряды, размахивает газетой с телепрограммой.

– Надю-юшка! Со следующей недели «Тени исчезают в полдень» показывают!!

– Ура!

Это праздник. И сразу шарик солнца ярче, и небо голубее, и колючий молочай, пачкающий руки липким соком и норовящий зацепиться корнями в земле, пропалывается легче. И пчёлы атакуют не так зло, и противные кролики... Нет, они не противные, а милые, но такие прожорливые. Так трудно каждый день, до крови на руках, рвать для них траву в ближнем леске... Но теперь всё освещено радостным нетерпеливым предвкушением телевизионного праздника – вернее, целых семь (по числу серий) маленьких праздничков каждый вечер!

Такое же приподнятое ожидание творилось во всех домах. По вечерам сельские улицы вымирали... И было нам лет по десять, и нынешние перекормленные компьютерные дети выразительно покрутили бы пальцем у виска. Но такое было время, когда хлеба (пускай и в очередях) хватало, а со зрелищами было негусто.

Вот отец в очередной раз, сев с нами смотреть мультик или детский фильм, строго качает головой: «Ни уму, ни сердцу. Ничему хорошему не научат». И выключает телевизор под наше

обиженное жужжание. А «Тени» – уж точно и уму, и сердцу! Телевизор включается заранее, – не дай бог пропустить начало! Усядемся, большие и малые, каждый на любимое «своё» место – целый домашний кинозал.

Только мама время от времени («Сомневаюсь я...») вставит замечание. Нет, вот такого не было, она помнит из дедушкиных рассказов. Не было людей, среди бела дня расхаживающих по селу гуртом с гармошками, и огневые речи с телег так часто не произносились, и на войну не так провожали, и с войны не так возвращались. Уж эта мама, всё ей не так. У вас, может, и не так, а в Сибири так.

– Ма-ам!! Не мешай смотреть!

Это сейчас замечаешь блёклый цвет киноплёнки, так называемый совколор: размытый желтовато-коричневый, как сквозь немытый аквариум. И бросаются в глаза сквозящий во всём лубок, и шитая белыми нитками пропаганда, и наивная прямолинейность – а линия была одна: Правительства и Правящей Партии во главе с Генсеком.

...Но вот же зацепили фильмы тех лет и до сих пор не отпускают. Потому что из детства? Потому что верили?

20 БЕСЕНЯТ И 1 КРЕТИНКА

– Ну, куды сыписся, прости господи, куды сыписся?! Сыпется и сыпется, сам не знает куды. Хватит уж – а он всё сыпется и сыпется.

Как ни пройдёшь зимой мимо технического училища, дворничиха тётя Паша метёт дорожки голиком на палке. И сама с собой разговаривает, добродушно пеняет на падающие крупные хлопья. Она всегда с кем-нибудь разговаривает: зимой со снегом, летом с пылью, осенью с павшей листвой, весной...

О, весной, когда снег тает бурно, стремительно – ей уж точно есть с кем поговорить. С сотнями водочных бутылок и фунфыриков, тысячами обёрток от жвачек, миллионом автобусных билетиков и окурков. Но тётя Паша молчит. Тяжело дышит, часто выпрямляется, опираясь на метлу, держась за поясницу.

Нелегко ей, 72-летней, управляться с вытаявшими из-под снега продуктами жизнедеятельности гомо сапиенса. Понагибайся-ка, покланяйся весь день с граблями, с бельевыми щипцами: ими тётя Паша выцарапывает, выковыривает вмёрзший в лёд сор.

Выгнать бы на субботник учащихся – за час управятся (горы мусора – полностью их рук дело), но... Что вы, как можно! Запрещено! Нарушение закона, эксплуатация детского труда. Был случай – на субботнике юнец полоснул себе по запястью осколком бутылки. То ли бахвалась перед друзьями и девчонками, то ли в знак протеста («Я вам не уборщица!»). Родители сразу – в Роснадзор, в органы опеки, в прокуратуру. Ох и страху натерпелся персонал училища! После этого – ни-ни.

– Всё нервы, нервы. Шибко нервная мОлодежь нынче, – объясняет тётя Паша.

Ну вот, докатилась. Ворчать на молодых – первый признак старости. «А мы в их годы...». А мы в их годы, правда, были не «нервные». Конечно, не сказать, что с энтузиазмом Павки Корчагина рвались на Ленинский коммунистический субботник... Но надо – значит надо. Чаще всего нас посылали рыть канавы вокруг утонувших в снегах ферм. 22 апреля – на полях ещё зима.

А весело было: бросались снежками, баловались, травили анекдоты. Кто был влюблён – пользуясь случаем, тайком пробивался ближе к «объекту». И ничего, никто колющими-режущими не ранился, рук-ног не ломал, и снег ни на кого не обрушивался. И органы опеки тогда, слава Богу, не квохтали и не кудхтали: «Ах, ах, права ребёнка!».

Ещё мы прибирали сельские улицы. И каким чистеньким, нарядным, светлым становилось село, готовое встретить майские праздники. А летом – трудовая практика. Прополка и окучка капусты. И тоже веселье било выше крыши.

«Петров у нас лентяй!» – «Лодырь ты, Петров!». «Тунеядец!» – «Ребята, кто ещё знает синонимы к слову «лентяй»? – «Бездельник!» «Сачок!» «Разгильдяй!» «Лоботряс!» «Раздолбайще!» «Трутень!» «Паразит!».

Заодно и знания по русскому языку освежали и закрепляли. Больше всех был доволен красный, раздутый от гордости и всеобщего внимания трутень Петров.

И вдруг на капустном поле проносится слух: набирают желающих поработать в детском лагере «Смена»! Воспитателями! Кто хочет? Мы, мы, мы хотим!

Ну, нам-то было простительно: только стукнуло шестнадцать, ветер в голове. Но куда смотрели взрослые: учителя и наши родители?! А вдруг что бы случилось с нами и с нашими подопечными (это я включила в себе современные органы опеки)?

А вдруг бы кто-нибудь утонул: дорога из села к лагерю лежала по берегу заброшенного пруда? Через водопад переброшено гнилое бревно. Невыносимо жутко было идти по нему, скользкому от брызг, балансируя над кипящим, жёлтым от пены водоворотом.

А вдруг бы кто-то из детей сбежал и потерялся – вокруг глухие леса? Не были тогда лагеря окружены заборами с КПП, не караулили их охранные агентства с собаками.

Лагерь «Смена» выглядел так: посреди елового бора поляна, на ней пять бревенчатых домов и палатки. В палатках и четырёх домах живут отряды, в пятом располагается медпункт и «кабинет» начальника. Чуть в стороне, в леске, два барака: клуб и кухня-столовая. Самые умные девчата из нашего девятого класса, отличницы и активистки, устроились на кухню. Мы, четыре дурочки, рвущихся на должности воспитателей, тогда не придали этому значения.

Отряды разобрали следующим образом: тихих деревенских малышей взяли Катя и Нина. Старших парней из районной школы-интерната – Надя (воспитанники ухаживали за ней). Я, как всегда, прохлопала ушами, и мне «достались» девочки из школы-интерната 11—15 лет. Самый вреднучий возраст.

Наиболее трудный контингент: интернатских мальчиков-подростков – взяла на себя пионервожатая Ольга Подлевских. Потом, когда я говорила о ней, мне не верили: это же местный Макаренко, легенда, педагогический авторитет!

Девчонки меня просто не замечали. Игнорировали. Бегают малолетка-воспиталка, машет руками, топает ножками, пищит, пытается стыдить, читает мораль. Над такой грех не подшутить: спрятать очки, например. Или на отрядной линейке карманным зеркальцем пускать в глаза солнечных зайчиков.

Или вот ещё. Были у нас возле каждого отряда цветочные календари. Попросту: резиновые покрышки, набитые речным песком. На них дежурные каждое утро выкладывали текущее число и месяц из сорванных головок лесных и луговых цветочков. К вечеру календарная дата увядала, и её выбрасывали.

Так вот: чьи-то невидимые пакостливые ручонки изо дня в день разрушали работу дежурных. Вместо «20 июля» клумба выдала: «20 бесенят» (столько в моём отряде было девчонок). А «1 августа», соответственно, превратилось в «1 кретинка» – думаю, излишне говорить, кто под кретинкой подразумевался. Причём бесенята были любовно выложены из невинных, трогательных ромашек, белых и несмелых. А кретинка – из лохматых грязно-серых шариков репья.

Я быстро утомилась и смирилась с положением вещей. Дай Бог соблюсти внешние условия. Утром поднять, умыть под длинным навесным цинковым корытцем с бренчащими сосочками, четыре раза в день сгонять непослушное стадо в столовую. Поучаствовать в общелагерных мероприятиях, уложить спать и рухнуть самой.

С отрядными мероприятиями был полный швах. Повторяю, я была для них стеклянным человеком. Воспитанницы ходили, обнявшись, и их рассеянные, туманные девчоночьи взгляды проникали сквозь меня, разглядывая что-то ужасно интересное за моей спиной.

Слева Катя и Нина тихо по-матерински курлыкали над деревенскими ребятами, те их буквально облепляли, чуть «мамами» не называли. Справа Надюша принимала букеты от своих подопечных и играла с ними в волейбол. Её гуттаперчевая грудь задорно прыгала под футболкой, ещё больше завораживая парней.

Нет, и для меня жизнь продолжалась, конечно. Человек же ко всему приспосабливается. Я даже успела влюбиться по уши в начальника лагеря. Он говорил, сильно окая, я находила это необыкновенно милым и удивительным, и, подражая ему, тоже перешла на волжский говор.

Однажды пошла домой в баню. И начальник позвонил и передал мне привет!!! Я прыгала от счастья, как коза.

Всё кончилось внезапно и очень больно. Мы с Ниной забежали к нему в избушку за какой-то подписью. Начальник был хмур и помят. В углу кто-то замычал, белая пухлая ручка выпала из-за занавески, повисла в воздухе.

На обратной дороге опытная Нина просветила меня, что за занавеской спала медсестра, что об их шашнях знает весь лагерь знает, хотя начальник женат и у него дети... Я не то чтобы поверила, но любовь после этого начала гаснуть, а там и вовсе сошла на нет.

Моя воспитанница Анжела поведала мне большой секрет, который держать в себе не было мочи. Отведя в сторонку, сообщила, что она некто иная, как... двоюродная сестра Жанны Прохоренко (актриса, Шура из «Баллады о солдате», Ксения в «А если это любовь» – АВТ.). И, когда Анжела вырастет, тоже поступит в институт кинематографии.

Она эффектно поворачивалась в фас, в профиль, в три четверти. Демонстрировала огромные чёрные глаза, смуглую кожу, смоляные косы. Усиленно хлопала щёткой тяжёлых ресниц.

Может, кто-то сказал девочке о внешней схожести – и она выдумала чудесную сказку о родстве со знаменитой артисткой? А может? Всё может быть...

В тот же день мой отряд устроил мне очередную проверку на прочность. Уложив подзрительно послушных девчат спать, я пошла к своей койке в углу и... Поскользнувшись на чём-то очень скользком, хватаясь за воздух, сделала несколько неуклюжих па – и с грохотом шлёпнулась на попу.

Из-под одеял раздалось иезуитское хихиканье. Мне щедро намазали крашенные половицы сливочным маслом. Его каждое утро привозили большими кубами на кухню, резали на кусочки и клали в тарелки с холодной водой. Такие самодельные мини-холодильнички. Девчонки пожертвовали бутербродами, чтобы посмеяться над «воспитаткой».

И вот тут я не выдержала. Во всё горло разревелась на полу, сидя вся в масле, утирая масляными кулаками лицо, размазывая масляные слёзы. Девчонки затаились, как нашкодившие котята.

Сердобольная Анжела наябедничала о происшествии главной пионервожатой. Ольга вызвала меня. Сначала пожурила, что не делилась своими проблемами. Потом пристукнула кулачком по столу:

– Никогда. Никогда! Слышишь, никогда не плачь перед детьми. Не роняй себя, не показывай слабость! Если не могу, спрячься и проревишься, сколько душе угодно. После умойся и выйди, как ни в чём не бывало. Как бы они к тебе ни относились – ты для них чуточку выше, на некоем пьедестале, понимаешь? Потеря авторитета – это конец.

И ещё долго горел свет в её каморке с флагами и горнами, и мы, голова к голове, шушукались. Я горестно, но с забрезжившей надеждой, вздыхала.

Не было четырёх часов утра, когда я тихо-тихо, стараясь не разбудить моих архаровцев, оделась, вышла на террасу. Вокруг шёл – скорее, стоял – тихий тёплый дождик. Всё было затянуто шуршащей серой стеной. Я стянула туфли и побежала в село, за шесть километров. Скользящая как мыло (как сливочное масло?), пузырящаяся лужицами тропинка. Высокая трава, обдающая водой до пояса. Придавленный, напоенный влагой лес.

Я неслась как на крыльях, чтобы успеть до подъёма, до 7. 00. Это сейчас образ леса набит страшилками: лихие люди, клещи, геморрагические мыши, бешеные волки... Страшно ли мне было? Весело! Даже гнилое бревно над грохочущим водопадом, над гиблой воронкой я пробежала, как балерина на цыпочках. Дома переполошила родных, глотнула чаю, схватила *секретик* – и назад.

По совету главной вожатой Ольги, я сделала вид, что ничего вчера не произошло, только держалась отстранённо и холодно. В тихий час, как всегда, все нехотя разбрелись по кроватям, но никто и не думал спать. Шушуканье, смех, хождение, перебежки.

Я присела на койку Анжелы, развернула свой *секретик*. И таинственным голосом, почти шёпотом сказала: «А сейчас я почитаю вам сказку».

– В одном королевстве
принцесса жила,
У этой принцессы служанка была.
Принцесса слыла капризулею злой,
Был славным и добрым
характер другой.
Мы в скобках отметим:
Немножко банальной
Была ситуация в сказке печальной.

– А почему печальной? – сразу заинтересовалась почемушка Анжела, и тёмные глаза у неё с готовностью, артистично налились слезами.

Я специально не повышала голоса – и, от койки к койке, постепенно шум стал утихать.
Теперь,
по возможности кратко и сжато,
Знакомимся с жизнью
в дворцовых палатах.
Принцесса, зевая, мочалку брала
И нехотя в ванную комнату шла,
Где тёплой водичкой
и импортным мылом
Лениво она своё личико мыла...

– Тихо там! – грозно крикнула Галя. Она-то и была командирша, неистощимая фантазёрка, заводила и инициатор всех козней против меня. – Ничего же не слышно!

Потом – первый завтрак.
Её на столе
Уже поджидали бисквит и желе.
И вился душистый кофейный дымок,
И стыл земляничный румяный пирог.
Служанка же в эту минуту как раз
Глотала на кухне горбушку и квас.

– А нам на Первое мая настоящий растворимый кофе давали. Называется «Пеле», – мечтательно похвасталась тихоня Маринка. – Вы пили когда-нибудь настоящий кофе?

– Нет, – призналась я.

– А ну-ка тихо! – рявкнула Галя. – Не мешай читать!

Принцесса, горячий допив шоколад,
Спешила к модистке примерить наряд.
Придворный цирюльник её завивал.
Прогулка, обед – а потом карнавал.

– А можно, мы вокруг вас ближе сядем? А то плохо слышно.

– Нельзя, – строгим окрепшим голосом (откуда взялось!) возразила я. – Это нарушение дисциплины. Я буду ходить между кроватями, чтобы всем поровну было слышно...

Служанка носилась, не ведая ног.
Паркет натирала, как стёклышко,
в срок.

*Парадные лестницы
шваброй скребла.*

В духовке ватрушки из сдобы пекла.

Вдобавок пилила её день и ночь

У повара то ли жена, то ли дочь.

– Это как наша историчка-истеричка, – фыркнул кто-то. – Бензопила «Дружба».

Не правда ли, можно отметить такое:

Насыщенным день был у наших героев?

Служанка с принцессой

минут не теряли

И к вечеру страшно они уставали.

– Пока хватит, – я захлопнула тетрадку, – продолжим вечером.

– Это Надежда Георгиевна сама сочинила, – сверкнула глазами Галя. И с вызовом огляделась: дескать, кто вздумает сомневаться – пеняйте на себя.

Стоит ли говорить, что после этого я стала Галиной любимицей: да, да именно так, а не наоборот! Галя была меня на полголовы выше и крупнее, хотя младше на год. Она взяла на себя роль моей добровольной помощницы и покровительницы. Признаться, порой вела себя неприятно угодливо и подобострастно, так что приходилось её притормаживать. А в сущности, мы стали подругами.

Наш отстающий отряд выбился в правофланговые! На конкурсе цветов мы заняли первое место. Мне не дали сорвать ни одного цветка. Я ходила с тетрадкой и бубнила:

«Вся в мать-королеву!».

«Вся в тётку пошла!»

Ведь тётка красавицей первой слыла».

И, правя пред зеркальцем

утренний грим,

Принцесса кивала с улыбкою им.

Но вдруг закричала с досадою: «Тише!»

Я звуки какие-то странные слышу».

Ей шепчут, что это служанка-нахалка,

По ком уж давненько печалится палка».

А девочки насобирали гору цветущих растений и сложили два букета. До сих пор помню: один назывался: «Русское поле». Комок земли, из которого торчали скромный пучок ржаных колосьев, несколько ромашек и васильков. Другой – пышный, в виде пирамиды: «Радуга». Разноцветными слоями шли: жирный клевер, сладкая кремовая кашка, дикие пряные ноготки, лакированные золотые лютики, быстро никнувшие колокольчики...

Вместе со старшими воспитанницами мы даже бегали мазать зубной пастой Надиных парней. Стараясь не прыснуть, разрисовывали индейскими полосами спящие лица. Слизывали излишки вылезающих из тюбиков белых червячков пасты «Поморин», чтобы не капнуть...

Тут парни-притворяшки, которые и не думали спать, гикнули, рванули к пологу палатки, чтобы преградить нам путь к отступлению. Но мы прорвались и, задыхаясь от смеха, уже неслись в темноте к своему корпусу. Ох, как потом нас мутило от съеденной зубной пасты!

Девчонки, умаявшись, спали – а я смотрела в тёмный потолок. Дело в том, что стишок был не дописан, а в голову, как назло, не лезло ни одной подходящей концовки. Пошатнётся ли или даже рухнет мой хрупкий авторитет? Как воспримут разочарованные девчата это известие? Как в клубе, где в самом интересном месте рвётся старая лента, и зал оглушительно свистит и улюлюкает?

Когда нечего сказать, нужно сказать... правду.

*Но, вас в заблужденье
вводить не желая,
Я честно признаюсь: конца я не знаю.
Я сказку в чулане глухом отыскала,
У сказки последних страниц не хватало.
В чулане таинственно щели шуришали, Здесь плесенью пахло, и пахло мышами...
Возможно, конец
этой маленькой книжки
Смогли прочитать
лишь голодные мышки...*

Гробовое молчание.

– У-у, так нечестно. А у вас ещё сказки?

– Есть! – радуюсь я.

– Ура-а!

«Вот, мамочка, – торжествующе думала я. – Ругала меня, что я под промокашкой пишу всякую ерунду. А ерунда-то и пригодилась!».

За смену в «Смене» я заработала первые в жизни шестьдесят рублей.

Мы прощались, давясь слезами и соплями. Девчата брали с меня клятвенное обещание, что, будучи в райцентре, обязательно заеду к ним... Никуда я не поехала. 1 сентября, школа, выпускной класс.

Но до сих пор, задумавшись, вдруг слышу шуршание лесного дождя. Вижу за висящей водяной пеленой зелёный луг с домиками и палатками. Вспоминаю тёплое, дождливое лето 76 года. Последнее лето детства.

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ МАМА

Каждый день я прохожу под бетонным козырьком над подъездом, на котором растет... деревце. Из каких трещинок с набившейся в них городской пылью берет оно соки, как его живые обнаженные корни не разрывает в бетоне лютый мороз? Это для меня неразрешимая загадка. Весной деревце зеленеет не сразу, и когда уже совсем перестаю надеяться, вдруг застенчиво выбрасывает клейкие листочки: живое! Никогда не знавшее (и не суждено ему узнать) жирной ухоженной, питательной почвы, никнувшее от зноя и оживающее под скупым дождиком. Неприхотливое, хрупкое, сильное, как наши мамы...

Когда она ковыляла по улице на еще неокрепших толстеньких ножках, односельчане шутиливо вопрошали ее: «Да чья это такая, не цыганочка ли?» Она счастливо и бойко лепетала на удмуртском, как ее научили дома: «Черная дочь черного Петра».

Отец среди рыжеволосых, с тонкими лицами односельчан выделялся смуглостью, черными пронзительными глазами, крупными чертами лица. Как полагается каждому уважающему себя роду, из поколения в поколение бережно передавалась легенда.

Когда-то по Сибирскому тракту гнали каторжан. Они заночевали в избе моих прапрабабушки и прапрадедушки. Прапрадедушка нёс службу в царской армии – а служили тогда 25 лет. Утром каторжан подняли и погнали дальше. Среди них был один: забубенная головушка, бойкий, кудрявый, пронзительно черноглазый. Уходя в колонне, она часто оглядывался на стоящую в калитке солдатку – за что, вероятно, схлопотал удар оружейным прикладом по шее.

Через девять месяцев солдатка разрешилась черноглазой смуглянкой. Девочка была ещё мала, когда прапрадедушка, отставной служака, переступил порог родной избы. Сельчане гадали: выкатит ли он неверную жёнку ногами за порог и вдоволь на ней напляшется коваными солдатскими каблуками? Или просто выставит с младенцем за порог и запьёт горе кумышкой?

Напрасно топтались любопытные: дверь избы так и не распахнулась. По преданию, прапрадедушка произнёс слова, столь с почтительно передаваемые из поколения в поколение. «25 лет я без жены жил – всякое бывало. 25 лет жена меня ждала – камень бы не выдержал, а она живой человек». И ещё: «Я бы и камень на дороге подобрал, не выбросил. Неужели живого человека выброшу?» Отсюда будто бы замешалась в нашем роду смуглость, чёрные волосы и тёмные глаза. Самое интересное, что внука назвали Пётр – в переводе «камень».

Тридцатые годы прошлого века. Не было в те годы массовиков-затейников. А веселиться деревенский народ умел самозабвенно, от души. Мазали лицо сажей – вот тебе леший. Выворачивали наизнанку шубу – медведь. Наверчивали на шею тряпье – петух.

Светит ясный месяц, идут по деревне девки, поют песни. А навстречу – сани. Без лошади, без седока. Катятся сами по себе ровно, тихо – жуть! Девки визжат, разбегаются и того не замечают: за невидимые в темноте веревки, прячась за сугробы, сани тащат brave ребята.

Мамина тетя из-за собственной свадьбы три дня не выходила на колхозные работы. Наказали всю семью – конфисковали конную молотилку, зерно, раскатали по бревнышку двухэтажный амбар. Не оставили даже лукошка с яйцами и бабушкиной шубы.

Если бы не односельчане, семья умерла бы с голоду. Мамина сестренка Аня нянчилась с соседским дитем, ее за это сажали за хозяйский стол. Когда она возвращалась, маленькая мама пристально, светящимися от худобы глазами всматривалась в ее лицо:

– Ты сегодня кушала? Да?

Сестренка, стыдась, шептала: «Да».

– Мы собрали большой бидон ягод, – рассказывала мама, – понесли в Глазов и обменяли у рабочего на буханку хлеба. Несем домой, жарко, руки красные от сока, даже хлеб пропах ягодами.

Не зря бытовала пословица: «Земляника – деликатес для богачей и пища для бедняков». Мне, маленькой, такой обмен казался чудовищным. Противный дядька-рабочий, говорила я. Поползай-ка, собирая землянику, под палящим солнцем, под тучами комаров и променей ее на какую-то буханку?! Не понимаю. И мой сын, которому я в детстве рассказывала про бабушкин обмен, этого не понимал. Дай Бог, чтоб и дальше дети считали: хлеб – это нечто само собой разумеющееся. Вечное как воздух, вода, солнце.

Война. Мама заканчивает педучилище. Когда проходит мимо городской пекарни, каждый раз замедляет шаг, опирается о низкий заборчик и стоит так некоторое время. Не затем, чтобы насладиться запахом горячего хлеба, а чтобы унять головокружение и не упасть в обморок.

Случались маленькие радости: раз в месяц бегали с подругой Марией на базар, покупали деревенское сало. Дома растапливали на сковороде – получались шкварки, хрустящие, золотистые. Их макали в соль, ели с картошкой.

...Морозным зимним вечером, рассказывала мама, – шли с Марией (тогда уже молоденькие учительницы) из деревни в Глазов. Под мышкой – сшитые из старых газет тетради. Из-за сугробов тяжело и мягко попрыгали волки. Окружали, подходили боком, как больные собаки, искоса поглядывая. Тетрадки полетели в воздухе. Мама – тоже. Даром что небольшого росточка – только морозный ветер засвистел, отдувая шерстяную шаль. Бежала и кричала, как заведенная, на одной отчаянной ноте:

– Мария, Мария, Мария, Мария!

Мария была взрослой здоровой женщиной и, едва различимая, убегала по дороге далеко впереди. Маму спасло то, что на дорогу с поля выехало несколько колхозных подвод с сеном.

Замужество. Она родила одного за другим четверых – двух мальчиков и двух девочек. Тогда в декрете сидели не три года, а три дня. И никаких поблажек роженице: участвуй в самодеятельности, как все, ходи с лекциями в отдаленные деревни, работай с учениками в поле. А дети с кем? А с кем хочешь.

В соседях у нас жили доярка и тракторист, было у них шестеро детей. Родители целый день на работе. Самых маленьких, грудничков – близняшек, нянчили старшие, наши сверстники, и привлекали для помощи всю уличную ребятню. Мы, особенно девочки, привлекались с удовольствием: близняшки были для нас как большие куклы. Или как котята. Заворачивали в тряпки, таскали, силенок не хватало: нянькам самим едва исполнилось пять-шесть лет.

Как-то старший из соседских детей с таинственным видом пообещал нам показать «сокровище». Где хранят сокровища пацаны? Конечно, под подушкой. Отогнул ее, а там! Перекачивается десяток драгоценных серебряных шариков! Мы пытались их поймать, но живые шарики под нашим пальчиками растекались, убегали или, наоборот, собирались в один крупный дрожащий переливающийся шар.

– Откуда?!

– А градусник разбился, мамка велела веником собрать.

– Леш, меняемся, на что хочешь?!

Леша бережно опустил подушку: среди наших жалких игрушек эквивалента его сокровищу не было, и быть не могло.

Дисциплину на уроках мама держала отменную. Голоса никогда не повышала, только сверкнет отцовскими карими глазами – мертвая тишина. На протяжении многих лет ей приходили письма и открытки с Дальнего Востока от бывшего ученика по имени Леонид.

– А знаешь, – говорила она, – ведь Леня не отличался ни учебой, ни примерным поведением. Почему-то из двоечников люди получаются душевнее, сердечнее, что ли. Среди отличников, наоборот, больше таких, кто проходит и делает вид, что незнаком.

Вторую половину дома, где жили мама и папа, занимала семья военного. Как-то утром он вышел на работу, когда мама только подступалась к горе наколотых папой желтых пахучих дров. Вечером он вернулся, а у дома возвышалась длиннющая, высоченная, идеально выложенная красавица-поленница. Военный постоял, подивился. И, встав навтыжку, серьезно и строго сказал маме:

– Вас орденом можно наградить.

Итак, нас было четверо. Только в баню сносить четыре закутанные в шали и пальтишки чурочки, обмыть, обстирать, корзины с бельем перетаскать на ключ... Индезитов и Занусси тогда в помине не было. Однажды на моих глазах мама опрокинула на ноги ведерную кастрюлю с кипятком. Закричала: «Ой, ой, ой!»

Мне показалось, она так шутит, и я захохотала. И тут увидела, как ее маленькие ноги наливаются на глазах огромными прозрачными пузырями...

А еще были большой, 14 соток, огород, приготовление обедов и ужинов, скотина (кролики, гуси, куры, поросёнок, пчёлы). А еще работа, общественные нагрузки. Она закончила заочно институт, получила значок «Отличник народного просвещения» и массу грамот.

Суббота. Пельмени, крутим мясо. Кто-то читает книгу, «Охотники на мамонтов». Кто-то режет на кусочки мороженое розовое мясо. Кто-то – самое противное занятие – чистит лук. Мама готовит тесто. Потом мужчины идут в баню, мы, девочки, лепим с мамой пельмени. Лепим и поём песни. Один за другим противни уносятся в чулан на мороз.

Воскресенье – обязательно с утра разжигалась русская печь. Пеклись блины. С растопленным маслом, с яйцом, с рыжиками и луком, со сметаной. Потом угли сгребались, и русская печь становилась духовкой. Пирог: рыбный, сладкий, ватрушки. Для мамы, выросшей в голоде – это праздник, богатый стол. Для меня воскресенье, запомнилось голодным днём, когда нечего есть. Не привыкла обедать и ужинать пирогами.

Самое гадкое – очереди. Вся жизнь тогда проходила под знаком Очереди. Очереди за чем угодно: за ситцем, рыбой, мылом, крупой, школьными принадлежностями, сметаной, ботинками, зубной пастой, чаем, за молоком, яблоками, мебелью, сахаром, стиральным порошком. И конечно, за хлебом. Овощи, яйца и мясо у нас были свои.

Однажды ко мне на улице, подошла соседская девушка с тетрадкой и ручкой и спросила, сколько у нас кур и кроликов.

Я не знала и побежала к маме узнать.

– Зачем тебе?

– Просто так, – неизвестно почему соврала я.

Потом мне от мамы влетело: это шла перепись домашних животных, их тогда обкладывали налогом. Партия и правительство поставили задачу вытащить советское село из навоза, отвлечь от отсталых частнособственнических интересов, чтобы сельчане ходили бы в кинотеатры, библиотеки, чтобы заботились не о том, как набить собственный желудок, а питались бы исключительно духовной пищей.

Но это сейчас можно ерничать про партию и правительство. Наши отцы и матери не позволяли себе шутить такими серьезными вещами. Отец – историк, обществовед, пропагандист – слушал по телевизору дистиллированный вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы»:

– Вся жизнь впереди,

Надейся и жди!

Неодобрительно качал головой:

– Идеологически вредная песня. Не учит активной жизненной позиции. Что значит: надейся и жди? Девиз буржуазного загнивающего общества. Бороться за счастье надо, бороться.

Мама согласно кивала головой:

– Так, так.

Для окрестных деревень Глазов был такой же универсальной продовольственно-промышленной базой, каковой являлась Москва для ближнего и дальнего Подмосковья. И тут и там по известным магазинным маршрутам сновали по-деревенски окающие люди в телогрейках и сапогах, обвешанные авоськами и рюкзаками, спешащие на последний автобус. И мы не исключение. В ГУМ – за клеенкой, в «Юбилейный» – за апельсинами и колбасой, в тридцать третий на улице Революции – за сметаной.

Вот мама оставляет меня стеречь сумки и становится в очередь к кассе. За ней усатая городская тетка, глянцевого кудряшки на голове подняты скрученной косынкой. На брезгливом лице читается: все магазины оккупировала вонючая деревня. Одна теткина бело-розовая рука толще всей моей мамы. Господи, какая она у меня маленькая, темненькая, деревенская в своем пиджачке и платке, и почему она так заискивающе заговаривает с противной глянцевого теткой?

А ведь юная мама, пока мы не родились, была щеголиха каких поискать, мастерица. Я убеждалась в этом, исследуя содержимое большого фанерного ящика в чулане. Там были аккуратно сложены платья, сшитые и обметанные вручную – без машинки! Каждое само по себе невесомое крепдешинное чудо с какими-то планочками и вставочками, с особенными пуговицами. Тут же жакеты и роскошные пальто – такие я разве только в кино на артистках видела.

Вслед за платьями на белый свет является рыжая муфта из мутона, со скользкой подкладкой, внутри прячутся кармашки для дамских пустячков – в Москве на премию покупала, еще Сталин был жив. Плюшевая задорная шляпа – «таблетка» с крупной янтарной булавкой и резинкой под подбородок. И туфли, и башмаки в бантиках и пряжках, на немыслимых шпильках, и резиновые ботинки с полыми каблучками, отлитые нарочно для таких туфель. Жалко, что ножки у мамы, как у Золушки, а мои-то как у мачехиной дочки. Туфельки полезут разве что на кончики пальцев.

На елку мы, все четверо, не ходили без маскарадных костюмов. Когда она все успевала? А ночь-то на что? Конечно, мы и клеили, раскрашивали, но главной костюмершей была все-таки мама,

Кроила фартук для Красной Шапочки, пришивала бусы к тюбетейке Узбечки, мастерила прозрачные крылышки Стрекозе, украшала, за неимением блесток, стекляшками от битых елочных игрушек корону Золушки – это только мои наряды.

Как часто мы, современные матери, отмахиваемся от единственного ребенка:

– Какой еще костюм? Не приставай с чепухой, некогда...

Пока она не слегла, всё ее руки что-то штопали, мыли, перебирали, стряпали. Шел ее любимый бразильский сериал, а она вдруг, всмотревшись под ноги, опускалась на коленки и начинала быстро-быстро убирать с ковра невидимые соринки. Днем приклоняла голову на подушку и через пять минут вскакивала: столько дел, а я валяюсь!

Попадая в больницу (в последнее время все чаще), брала с собой ворох шитья и штопки: не понимала, как это можно празднично сидеть и болтать с соседками. Ее очень огорчало, что я высмеиваю бразильские сериалы. «Может, они и наивные, и затянутые, но в них есть главное. Они учат любить и не скрывать своей любви».

Чем больше узнаю мир, тем мельче он оказывается. Давно ли, в детстве, даже не возникал (ввиду полной несуразности) вопрос: сколько я буду жить? Конечно, вечно!

Жизнь сжимается шагреновой кожей, сужается до одного дня, до часа, до черного секундного штришка на циферблате. Произнеся или просто подумав «мама», мы все, даже самые солидные люди, на миг возвращаемся в детство. Становимся юными, а значит вечными. Вот и все, что осталось в мире по-настоящему устойчивым: мама.

АБИТУРИЕНТОЧКА КАК СВЕЖЕПРОСОЛЁННЫЙ ОГУРЧИК

Конец августа. Юные Ломоносовы доказали свою состоятельность (слава ЕГЭ и репетиторам!) и зачислены в студенты. Готовы окунуться в новую бурную, интересную жизнь, вгрызться молодыми крепкими зубами в гранит науки, покорить блистающие вершины знаний.

Вижу я в котомке книжку:

Так, учиться ты идёшь.

Знаю: батька на сынишку

издержал последний грош.

Ну, последний не последний. Но, по нынешним расценкам, на приличное среднее образование батьке пришлось крупно раскошелиться. Не говоря о предстоящих расходах на высшее.

Родители повально пишут заявления, берут отпуска за свой счёт, ломают свои и коллективные планы, плюют на угрозу увольнения. Хотя начальство к родительскому рвению относится с пониманием: у самих дети и внуки. Самим такое предстоит пройти (или сами уже прошли).

Если в эти дни с высоты птичьего полёта взглянуть на автострасы страны – они напоминают дорожки растревоженного гигантского муравейника. А если снизу вверх: осенние клинья перелётных птиц.

Подобная миграция, сопровождаемая заботливо-журавлиным родительским курлыканьем, наблюдается второй раз в сезон. В начале лета стаи абитуриентов и любящих родителей атаковали и оккупировали города и альма-матер нашей Родины.

У знакомой растёт дочка. Всё ради дочки, всё к её ногам, её слово – непререкаемо. Она – принцесса, свет в окошке, Звезда по имени Солнце. Вокруг неё вращаются малозначительные жиденькие планетки: мама, папа, тётя, два сводных брата.

В скобках: очень, очень милая девочка, но не завидую её будущему мужу. Это только в сказках легко и приятно быть мужем принцессы.

Знакомая призналась: когда дочурка впервые надела рюкзачок, пышные банты и белый передничек – она (знакомая) сказала себе: «С Богом!» – и тоже пошла в школу.

Не в прямом смысле, конечно. «Села» за парту, прилежно прошла все забытые предметы от первого класса до одиннадцатого. От таблицы умножения до формулы Ньютона-Лейбница. От «мама мыла раму» до непротивления злу насилием.

Дочка, отсидев в школе шесть уроков, усваивала их повторно дома с мамой: как бы проходила ещё один фильтр. Для страховки. Такая вторая домашняя смена. Это не считая репетиторов по *всем* предметам, кроме физкультуры. Физкультуру подтягивал папа. «*Сейчас все так делают, если хотят хоть какого-то будущего ребёнку*».

Когда дочка выберет вуз – начнётся такое же великое – пускай всего на неделю – переселение народов.

Ах, как больно перегрызать пуповину! Как не хочется выпускать из-под крыла любовно выпаренного, пригретого – снаружи рослого, а внутри слабенького и не приспособленного к жизни – птенца.

Мама с папой с озабоченными лицами будут бегать по гулким коридорам учебных корпусов и общежитий. Будут волноваться, заискивающе заглядывать в глаза кураторам и деканам, сходить с ума, скандалить, совать шоколадки вахтёршам и кастеляншам.

Устроить, убедиться, что с документами порядок, что в душе горячая вода без перебоев, что столовая в шаговой доступности и еда там не смертельно опасна. Проследить, чтобы не обидели, чтобы не дуло, чтобы соседки не шумные, чтобы подружки не испорченные.

Традиция провожаний появилась не так давно. Как и роскошные выпускные вечера, с яселек и до одиннадцатого класса.

Детям эти дорогостоящие забавы не очень нужны. Это надо папам и мамам. Это их последняя игрушка, отними её у них – они заплачут.

Какой родительницей была я? Ужжасной, безобразной, отвратительной! Не в смысле суперопеки – наоборот. Сын у меня рос как придорожная травка, как сорнячок – непонятно как вырос.

Я была вся в себе и в своей работе: только устроилась в республиканскую газету. Ничего, пробьёмся: у нас в роду дураков не было. Эгоистично не заглядывала в тетрадки сына, чтобы не расстраиваться. Не видеть ягодно-красных россыпей замечаний, размашистых и сердитых «См», тонких учительских шпилек в адрес родителей – лодырей и недотёп. Вот, мол, в кого такой сыночек.

Я не сидела над его душой, не ставила в угол, не орала, не отвешивала подзатыльники, не уговаривала, не пила сердечные, не плакала вместе с ним, не выводила его дрожащей ручонкой палочки, кружочки и крючки.

На собраниях классная руководительница округляла глаза: «Вы не помогаете ребёнку делать домашние задания?!». Закопослушные родители смотрели на меня с состраданием и ужасом, как на конченую, на зачумлённую. Отодвигались подальше, чтобы не заразиться опасным родительским пофигизмом.

Но он у меня знал буквы к двум годам, бегло читал – к четырём. Едва пошёл ножками, на прогулках мы уныло бубнили, как герои «Джентльменов удачи».

– Девочка?

– Гёрл.

– Небо?

– Скай.

– Прекрасный?

– Бьютифул.

– Нос?

– Сноу!

– Башку включи! Сноу – снег, – демонстрировала я скудные школьные познания.

Когда стал постарше, я открывала толстый словарь иностранных слов и произвольно расставляла галочки. И, приезжая из командировки, нещадно гоняла по отмеченным словам и страницам.

Значения слов от «А» до «Я» назубок. «Абордаж», «абориген», «абразивный», «абра-кадабра», «аббревиатура», «абрис». Это ничего, что пытливый выюноша заодно познавал значение слова «аборт». И с похвальной любознательностью немедленно скакал искать в недрах словаря слова-спутники «менструация» и «овуляция» (сейчас он в медицинском).

Да, ещё каюсь в родительской несостоятельности: я приучила его читать за едой – и это на всю жизнь. Как он говорит, при этом книжка кажется вкусней, а суп – интересней.

Уже с его годовалого возраста усаживала его на колени, пристраивала за тарелкой книжку-раскладушку, и – понеслись, родимые! Только успевала забрасывать кашу в широко открытый, как у галчонка, рот и ловить ручку, в восторге лупящую по книжным волкам, поросятам, Красным Шапочкам и Бармалеям.

Отчего я не бдела с сыном над домашними заданиями? А потому что со мной родители тоже не бдели.

Правда, раз в месяц (обычно, когда у отца было дурное настроение) он устраивал на кухне маленький Страшный Суд. Садился за стол, вызывал детей по одному (нас было четверо) и просматривал дневник.

Листал, упирался хмурым взглядом в «нехорошую» оценку. Значительно постукивая по ней пальцем, вскидывал грозный взор, как Пётр Первый на понурого царевича Алексея. Молчаливо пронзал им несчастного... Мало кто мог выдержать тот взгляд.

Даже мама предпочитала не вмешиваться в процесс, уходила куда-нибудь в магазин от греха подальше. Эх, не было художника Ге, чтобы живописать картину «Воскресное утро. Проверка строгим родителем уроков у нерадивых чад. Холст, масло».

Наказанием троечникам было решение головоломных задач из старого, времён отцовской молодости, арифметического сборника. Пока не решим – из-за стола не встанем.

Из кухни мы вываливались как из бани: красными, распаренными. Но – чувствовавшими себя победителями. Заслужившими скупой благосклонный взгляд отца, морально очищенными, почти перенёсшими катарсис.

Думаете, я пишу о родителях с обидой? Нет, с глубокой любовью и печалью. Если бы можно было всё вернуть...

В десятом классе отец принёс толстый справочник «Высшие учебные заведения СССР». И сказал: «На этот год это ваша настольная книга». Брат-близнец решил поступать в авиационный. Я хотела стать журналистом. Писала в стол толстые романы и мечтала о славе.

*Всем хочется быть знаменитыми,
Испробовать каждому б это.
Я тоже хотела прославиться
Недавно, ещё прошлым летом.
Чтоб имя моё прогремело звеня,
Прославив мои рекорды.
Чтоб звали в Америку бы меня —
А я б отказалась гордо.
Чтоб знали меня вся страна, весь мир.
Везде – интервью, репортёры.
Фотографы, крики, букеты цветов,
Открыток и писем – горы.
Своя секретарша, гостиничный «люкс»,
К подъезду – блестящая «волга»...*

На этом мои представления о славе исчерпывались и захлёбывались в восторженных слюнях.

Бог знает через кого – наверно, через ученицу, работавшую в универмаге, – мама купила нам перед абитурой мягкие чемоданы из красного дерматина. Через год они позорно вытянулись, деформировались, потрескались и обвисли кошёлками.

Но это через год – а сейчас они были прекрасны! Я надела в дорогу зелёное платье сестры, совершенно мне не идущее: у нас и размер, и рост были разные.

Дело в том, что у меня отроду не было своей одежды. Я всё донашивала за сестрой. Мама с папой считали это совершенно нормальным: в своё время они тоже донашивали за старшими братьями и сёстрами. Помню, однажды в классе пятом мама прибежала и шёпотом торжествующе скомандовала:

– Скорее! В уценённом завоз! Только никому не слова!

И мы побежали, пригнувшись, как шпионки. На вопросы любопытных соседок мама краснела и смущённо, неопределённо махала сумкой: «В хлебный. Хлеб, вроде, завезли».

В магазине «Ученённые товары» тоже работала мамина ученица. На двери висел листочек: «Закрыто. Приём товара».

На тайный условный стук и пароль («Зина, это мы!») – нам отперли дверь. Затхлый товар грудками высился на полках и на полу. Мама ахнула и погрузила руки в сокровища Али-Бабы.

Не помню, какую одежду выбрали для прочих членов семьи. А для меня – рыжую вигоневую кофту, твёрдые тупоносые туфли, коричневый колючий шерстяной сарафанчик («Чистый кашемир, 100%!»). Я в нём ходила в школу три года. А ещё выпросила «баловство»: пластмассовые бусики.

– Ну, ожили! – счастливая румяная, возбуждённая мама прятала покупки в сумки, маскируя сверху буханками хлеба.

Старшая сестра моя была миниатюрной красоткой. Умела наряжаться, а ещё больше умела вытягивать из родителей деньги на модные наряды. Она была первенец и потому, наверно, более любимая. Пишу это без обиды: просто мы были очень разные, чего обижаться-то.

Я не интересовалась тряпками. И окончательно и бесповоротно поставила на себе крест в пятом классе, когда вернулась из лагеря и увидела себя в зеркале.

За летнюю смену я стремительно вымахала в росте, обогнав на голову сестричку. Кости пошли в ширину, длиннющие руки и ноги казались лапами. Их, рук и ног, было явно раза в три больше, чем положено. Казалось, конечности торчали отовсюду, неприкаянно болтались, цеплялись за всё и мешали всему.

Особенно удручали плечи – просто косая сажень. Я казалась себе уродиной, которую не украсит ни одно платье, нечего и стараться. До восьмидесятых, с их модой на огромные, гренадёрские накладные плечи, было ещё далеко.

В моём детстве ценились статуэточные обтекаемые силуэты, Золушкин ростик, хрупкие косточки, плавные котиковые плечики. Не домашних котиков, а которые морские. Не руки – а ручки, не ноги – а ножки, не пальцы – а пальчики.

Мужчины цокали с завистью, умилённо: «Твою-то Дюймовочку можно на ладошку усадить!». И, напротив, насмешливо присвистывали: «Вот это лошадь! А ноги-то, ноги – ходули, оглобли! Чисто цапля!».

Ох, тяжело приходилось первым акселераткам.

Тогда же я выплеснула наболевшее в толстую тетрадь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.